

0- 770386

На правах рукописи

Латыпова Ирина Юрьевна

**МИФ О ПОЭТЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ
М.И. ЦВЕТАЕВОЙ**

10.01.01 – русская литература

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук**

Самара – 2008

**Работа выполнена в ГОУ ВПО
«Стерлитамакская государственная педагогическая академия»**

Научный руководитель: Беглов Василий Алексеевич
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: Казарина Татьяна Викторовна
доктор филологических наук, профессор

Щеголькова Ольга Владимировна
кандидат филологических наук, доцент

**Ведущая организация: ГОУ ВПО «Мордовский государственный
университет имени Н.П. Огарева»**

Защита состоится «10» апреля 2008 года в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.218.07 при ГОУ ВПО «Самарский государственный университет» по адресу: 443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, д.1.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Самарский государственный университет»

Автореферат разослан «6» марта 2008 года

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000437382

Ученый секретарь
диссертационного совета

Г. Карпенко

Карпенко Г.Ю.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современное цветасведение разнообразно по тематике и направлению исследовательской мысли, однако вопрос о мифопорождающем характере творчества М.И. Цветаевой остается одним из ключевых. Изучение особенностей мифологизма и мифотворчества М. Цветаевой – приоритетное и актуальное направление в изучении наследия поэта. Среди фундаментальных трудов по данной проблеме следует назвать исследования Л.А. Викулиной, С.И. Ельницкой, Е.Л. Лавровой, Н.О. Осиповой, М.М. Полехиной, а также диссертации С.В. Бабушкиной, Р.С. Войтеховича, О.В. Калининой, Ю.В. Малковой, Е.В. Сомовой, Л.В. Тышковой и монографию Е. Фарыно.

Не принимая этот мир как неистинный и ненастоящий, М. Цветаева творит новую вселенную по законам своего мифотворчества. Потому в центре ее художественного мира оказывается поэт-творец, причастный к высшему Замыслу и истинному Бытию.

Несмотря на то, что фигура поэта является знаковой для поэтического сознания М. Цветаевой и привлекает внимание многих цветасведов, на сегодня нет исследований, специально посвященных изучению мифа о поэте в парадигматическом аспекте, но существует достаточное количество работ, рассматривающих отдельные мотивы и образы (Орфея, Психею, Сивиллы, Царь-Девы и др.), соотносимых с мифологемой *поэт*. Поэтому в цветасведении назрела необходимость рассмотреть данную мифологему как центральное инвариантное значение, учитывая при этом все ее варианты во взаимосвязи, что и определяет *актуальность исследования*.

Сразу следует оговориться: в нашу задачу не входит изучение всех возможных элементов и оппозиций парадигмы *мифа о поэте* и образа *поэта*. Акцент в работе сделан на ключевых, доминантных и мало изученных вариантах мифа о поэте, каковыми, к примеру, являются *Вожатый*, *Всадник*, *пишущий* и *паиущий* как члены одной парадигмы, *пешеход*, а также *дерево* и *русалка* как хтоническое и божественное воплощения поэта.

В цветасведении образ поэта исследуется с различных позиций:

1) в качестве философской онтологической категории. С этой точки зрения образ *поэта* рассматривает С.В. Бабушкина, акцентируя внимание на экзистенциальных мотивах творчества М. Цветаевой;

2) в качестве персонифицированного центра цветасведской концепции творчества. О произведениях М. Цветаевой как едином сюжете *о поэте*, уподобляющемся в ряде своих основных коллизий сюжету мирового мифа В. Соловьева, пишет Е.В. Сомова;

3) как эталон настоящего человека. *Поэт*, по мысли С.И. Ельницкой, – центр художественной вселенной М. Цветаевой;

4) как мифологема, способствующая противопоставлению двух миров, души и тела, быта и Бытия. Явно или в подтексте данное обстоятельство присутствует в большинстве исследований (М.Л. Гаспаров, В.А. Маслова, О.Г. Ревзина, А.А. Саакянц, В.А. Швейцер), например, миф о художнике как «представителе природы, а не культуры, жителя Вечности, а не истории» составляет основу концепции И.Д. Шевеленко; мотив «двойного родства» поэта с природными и божественными силами рассматривается Г.Ч. Павловской;

5) в качестве доминантного биографического элемента. О.В. Калинина и М.В. Серова выделяют историю *становления поэта*, дискутируя с В.А. Швейцер, делая акцент на моменте *воплощения поэта*. В диссертационном сочинении мы предлагаем объединить эти два взгляда, так как считаем, что оба процесса синтезируются в рефлексующем сознании М. Цветаевой.

Среди научных статей, важных для формирования концепции диссертационного исследования, следует отметить работы О.Г. Ревзиной «Горизонты Цветаевой», М.В. Серовой «Автобиографическая проза в общем контексте поэтического самоопределения М. Цветаевой», Н.М. Герасимовой «Энергетика цвета в цветаевском “Молодце”», Г.Г. Петковой «Данте – Цветаева: архетипическая фигура водителя души», в которой фигура Вожатого распространяется на все творчество М. Цветаевой, О.В. Шурляковой, особым образом выделившей в своей работе миф М. Цветаевой о Блоке, Е.Б. Коркиной «Лирический сюжет в фольклорных поэмах М. Цветаевой», акцентировавшей внимание на моменте «расчеловечивания» лирической героини М. Цветаевой.

Гипотеза диссертационного исследования:

В творчестве каждого художника можно выделить ключевые, основополагающие сюжеты, образы, мотивы. Ядром художественного мира М. Цветаевой (мы имеем в виду и поэзию, и прозу, и эпистолярное наследие) является миф о поэте. О.Г. Ревзина отмечает, что при исследовании творчества М.И. Цветаевой противопоставление человека и поэта стало уже устоявшимся, стереотипным. Предлагаем взглянуть на проблему несколько иначе.

В центре нашего внимания не поэт как таковой, а миф М. Цветаевой о поэте в парадигматическом аспекте. Это означает, что мы рассматриваем миф как структуру, которая выполняет парадигматическую функцию и становится смыслопорождающим элементом поэтической системы М. Цветаевой.

В качестве мифологемы *поэт* выступает в функции и объекта, и субъекта. Личность поэта представляет собой единство пишущего и одновременно пытающегося осмыслить акт творения, а также остановить, зафиксировать его в первозданности. Миф о поэте трансформируется в творчестве М. Цветаевой следующим образом: в ранний период поэт растворен в «быте», в детских комнатах, но он уже до своего рождения ориентирован на «невмещаемость» (несоответствие устоявшимся нормам и стереотипам; мысль о *невмещаемости* является весьма значимой в структуре биографического и поэтического мифа М. Цветаевой). В поздний период поэт находится в трагическом состоянии «промежутка» между бытом и Бытием.

Объектом исследования является лирика М. Цветаевой (в основном 1920 – 1930-х г.г.), поэмы (в особенности, «На Красном коне», «Крысолов»), автобиографическая проза («Мать и Музыка», «Мой Пушкин»), эссе («Искусство при свете совести»), а также очерки («Живое о живом», «История одного посвящения»). Выбор указанных произведений в качестве объекта исследования обусловлен следующими причинами: начиная с 20-х годов, в лирике М. Цветаевой миф о поэте разрастается, углубляется, становится особенно разветвленным в смысловых значениях, изучение которых и представляет наибольший интерес.

Предметом исследования стал миф о поэте в творчестве М. Цветаевой в парадигматическом аспекте. При этом учитывается теоретическое осмысление нового мифомышления XX века, представленное в трудах А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского, З.Г. Минц, В.Н. Топорова, О.М. Фрейдсберг, М. Элиаде, принципиально отделивших архаический миф, вошедший в структуру произведений, от *неомифа* – уникального художественного строения, искусственно созданного автором.

Цель работы – исследование специфики функционирования мифа о поэте в творчестве М. Цветаевой как исходного инвариантного значения, «прасхемы», определяющей сюжетно-образный и мотивный строй художественного мира поэта.

Обозначенная цель конкретизируется в следующих **задачах**:

- выявить и описать процесс мифотворчества М. Цветаевой;
- определить и выстроить парадигму мифа о поэте;
- рассмотреть трансформацию данного инварианта на мифотектоническом уровне (в пространственно-временных координатах);
- сопоставить некоторые вариативные значения мифа о поэте М. Цветаевой с аналогичными в творчестве других поэтов (А.Блок, О. Мандельштам) с целью выявления индивидуальных и типологических закономерностей в литературном процессе начала XX века.

Методологическую основу исследования составили труды по структуральной поэтике Ю.М. Лотмана, З.Г. Минц, В.Н. Топорова, работы М.М. Бахтина о диалогической природе словесного искусства, исследования Б.О. Кормана о субъектной организации художественного текста, В.А. Зарецкого о природе художественного образа, В.И. Тюпы о глубинном мифотектоническом уровне текста, исследования инвариантных структур русской поэзии А.К. Жолковского. В философском аспекте диссертация опирается на труды С. Булгакова, А. Лосева, В. Соловьева, Л. Шестова, Д. Андреева.

При осмыслении природы мифа и мифологического сознания в теоретическом аспекте особый акцент сделан на труды А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, Д.Е. Максимова, Е.М. Мелетинского, В.П. Руднева и Е. Фарыно.

В работе использованы возможности сравнительно-исторического, сравнительно-типологического методов, структурно-семантического метода литературоведческого анализа, а также мифопоэтического метода исследования.

Научная новизна диссертационного сочинения обусловлена выбранным ракурсом исследования и состоит в попытке выявить особенности художественного мира М. Цветаевой через функционирование мифа о поэте в парадигматическом аспекте. В работе впервые как элементы одной парадигмы рассматриваются *поэт и землепашец* в творчестве М. Цветаевой, а также трансформированный вариант путника – *пешеход*.

Основные положения исследования, выносимые на защиту:

1. Поэтическая система М. Цветаевой вырастает из смысловой интенции, благодаря которой возможен процесс мифотворчества. Для произведений М. Цветаевой такой смысловой интенцией является максимальная устремленность к идеалу, абсолюту, совершенству. Процесс создания мифа мы условно разделяем на четыре этапа: 1) «узнавание своего»; 2) максимальная идеализация, которая позволяет увидеть самую суть вещи, явления, человека; 3) доведение этой сути до трагизма; 4) самоидентификация, порой до полного слияния своего поэтического «я» с множеством исторических, библейских, мифологических персонажей и с реальными людьми. Обозначенная схема универсальна для создания любого мифа М. Цветаевой, в том числе и мифа о поэте.

2. Миф М. Цветаевой о поэте является смысловой доминантой, определяющей сюжетную, образную и мотивную структуру ее художественного мира. Как исходный инвариант миф о поэте репрезентируется в ряде вариантных значений.

3. Миф о поэте является той основой, по которой М. Цветаева строит свою собственную поэтическую индивидуальность. Особенно примечательным в этом случае становится попытка через личные, порой даже интимные переживания отдельного человека вскрыть общие, универсальные законы Бытия.

4. Поэтический мир М. Цветаевой определяет существование *Вожатого и ведомого*. *Вожатый* является одним из существенных вариантов значений мифа о поэте и понимается как душа, вмещающая в себя все темные и светлые стороны. Поэт пытается «припомнить» все, что знала его душа до прихода в этот мир, и снова возвратиться в первоначальное единство. В этом акте, пытаясь слиться со Вселенной, поэт идентифицирует себя с *деревом, русалкой, Всадником, землепашцем*. Данные образы выстраиваются в парадигму мифа о поэте, в которой последний выступает в качестве инварианта. Природу лирической героини М. Цветаевой определяют растущая, расширяющаяся душа и вечно становящееся тело, которое в этом становлении утрачивает все физические признаки и уподобляется душе. Такой процесс обнажает внутреннюю жизнь человека.

5. В пространственно-временных координатах положение поэта определяется как *промежуточное*. Поэт существует в пространстве *между*, а самой предпочтительной формой бытия становится *невстреча*. Трагедия «*разминовения*» едва ли не самый существенный компонент в структуре мифа о поэте.

Суть личности поэта, согласно М. Цветаевой, является двуединой и двойной, потому так актуальны для ее творчества парные и сопоставленные сущности: *Вожатый и ведомый, конь и человек – Всадник, пишущий и пашущий, Орфей и Эвридика* и т.д.

6. Художественное время в творчестве М. Цветаевой пространственноподобно. В исследовании время понимается как путь (сквозь призму реализации глубинного образа-метафоры «время-песок»), что позволяет говорить о ходьбе (*пешем ходе*) как способе приобщения к вечности. В этой связи *пеший ход* (и трансформированный вариант путника -- *пешеход*) наряду с цветаевскими понятиями «*большоголовости*» и «*невмещаемости*» – не столько физические, сколько духовно и ценностно-ориентированные признаки личности.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что изучение проблемы в избранном направлении дает возможность воссоздать более четкую и полную картину мифотворчества как культурного и художественного феномена начала XX века. Изучение авторского «неомифа» М. Цветаевой в контексте эпохи и как смыслопорождающе-

го элемента позволяет не только раскрыть ключевые смыслы и коды в творчестве отдельного поэта, но и показать универсальный принцип мышления: то, что переживается автором в созданном им мифе, значительно для каждого человека. Кроме прочего, в работе уточняется и разграничивается ряд понятий, связанных с областью мифопоэтики: мифологизм, мифотворчество, мифопоэтика, мифотектоника, мифологема, эссема.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы и результаты могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях проблем мифотворчества М. Цветаевой и других поэтов. Основные положения, конкретные наблюдения и обобщающие выводы диссертации могут быть положены в основу более глубокого исследования, посвященного творчеству М. Цветаевой. Диссертационное сочинение нашло применение в разработке автором академических лекционных курсов и семинарских занятий по русской литературе начала XX века, а также в школьной практике.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены и обсуждались на Международной научно-практической конференции «Культура провинции» (Курган, 2005), на семи Всероссийских научных конференциях: «Русский язык и литература рубежа XX – XXI веков: Специфика функционирования» (Самара, 2005), «Антропоцентрическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии» (Стерлитамак, 2005), «IX Кормановские чтения» (Ижевск, 2006), «О. Мандельштам и феноменологическая парадигма русского модернизма» (Воронеж, 2007), «Проблемы диалогизма словесного искусства» (Стерлитамак, 2007), на Всероссийской научно-практической конференции литературоведов Поволжья (Самара, 2006), на Всероссийской научной конференции с международным участием «Третьи Лазаревские чтения: традиционная культура сегодня: традиции и современность» (Челябинск, 2006), а также на заседаниях аспирантского семинара в Стерлитамакской государственной педагогической академии (СГПА) в 2005 – 2007 гг. и на ежегодных вузовских конференциях молодых ученых СГПА.

Особенно значимым для апробации результатов исследования стало выступление с докладами на III-их Международных Цветаевских чтениях (Елабуга, 2006) и ежегодных Международных научно-тематических конференциях в Доме-музее М. Цветаевой в Москве в 2006 («Добро и зло в мире Цветаевой») и 2007 гг. («Семья Цветаевых в истории и культуре России»).

Структура работы: диссертационное сочинение состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего свыше 300 наименований.

Основное содержание работы

Во *Введении* рассмотрены ведущие и приоритетные направления современного цветаеведения, обоснованы актуальность избранной проблематики, научная новизна, методология, определены предмет, объект, методы и приемы исследования, сформулированы цель и задачи, представлены гипотеза исследования, положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость работы, а также формы апробации материалов и результатов исследования.

Первая глава – «*Теоретические основы изучения мифа М. Цветаевой о поэте в парадигматическом аспекте*» – состоит из двух параграфов. В первом параграфе – «*Вопросы мифопоэтики в современном освещении*» – рассматриваются теоретические основы изучения мифа М. Цветаевой о поэте в парадигматическом аспекте, определяется круг понятий и теоретических положений, на которых базируется работа, а также исследуется процесс мифотворчества М. Цветаевой.

«Тотальный мифологизм» (термин Д.Е. Максимова), выступающий и в качестве принципа организации художественного текста, и что особенно примечательно, в качестве мироощущения определяет всю культурную ментальность XX века. В науке такое явление получило название неомифологизма, или неомифологического сознания.

Особую значимость в литературном процессе обозначенного периода приобретает процесс мифотворчества. *Мифотворчество* следует понимать как процесс создания и конструирования мифа, явно или в подтексте опирающийся на архаическую модель мифа, его сюжетный код. В этом главное отличие мифотворчества от *мифологизма*, сутью которого является использование готовых мифологических сюжетов в художественных целях. К мифотворчеству близко понятие *мифопоэтики* – наличия собственных мифотворческих построений, усиленных представлениями-концепциями самого автора. М. Цветаева определяет мифотворчество «как извлечение из человека основы и выведение ее на свет, усиление основных черт, вплоть до видения только их» («Живое о живом»). Говоря иначе, миф позволяет увидеть внутреннее (отношение человека с душой или поэта с гением) как внешнее.

Существует ряд признаков, отличающих мифологизм XX века от древнего мифа: во-первых, трансцендентной силой, господствующей над человеком, выступает не природа, а созданная им самим цивилизация,

отчего мифологическое мироощущение приобретает трагический характер; во-вторых, новый миф рождается в ситуации глубинного одиночества автора; в-третьих, мифологизм XX века отличается глубиной авторской рефлексии.

Мифологическое сознание «связанное», тогда как сознание мифопоэтическое более «осознанное», «рефлексийное» по отношению к мифологическому, что позволяет говорить о *мифотектонике* («мифологический подтекст», «сверхсюжет» (В.М. Маркович)), введенному в литературоведческий обиход В.И. Тюпой: «...На тектонической глубине мы имеем дело с одним центром – “человек Толстого”, “концепция личности Чехова”. В проекции текстуальной данности произведения глубинная тектоника литературного произведения предстает системой хронотопов. Мифотектоническая глубина подобна ритму. Это глубина мифа, но экзистенциального мифа о пребывании индивидуального «я» во внешнем ему мире».

Мифологема *поэт* в творчестве М. Цветаевой не употребляется как таковая, а раскрывает свои свойства в ряде вариантных значений, что позволяет вести разговор о поэте как основном инварианте. «Инвариант – это значимая единица структуры, и сколько бы не имел он вариантов в реальных текстах, все они будут иметь лишь одно – его значение <...>. Что представляет собой это центральное инвариантное значение, можно узнать, только учитывая все его варианты, поскольку основным его свойством является способность в определенных условиях быть тем или иным своим вариантом» (Ю.М. Лотман).

В работе прослеживается осуществление *процесса мифотворчества* М. Цветаевой, условно разделенного на четыре этапа.

Второй параграф – *«Миф о поэте как культурный феномен»* – представляет собою краткий обзор развития мифа о поэте в русской литературе. История мифа о поэте насчитывает много столетий. В мифопоэтической традиции поэт – «персонифицированный образ сверхобычного видения, обожествленной памяти коллектива. Поэт знает всю вселенную в пространстве и во времени, умеет все назвать своим словом (отсюда поэт как установитель имен), создает мир в его поэтическом, текстовом воплощении, параллельный внетекстовому миру, созданному демиургом...» (Мифы народов мира. Энциклопедия 1998: 327).

В русской литературе образ поэта берет свое начало со «Слова о полку Игореве», в котором Боян назван «вещим» (пророческий), «Велесовым внуком» (Велес или Волос в языческой Руси – не только «скотий бог», но и божество, связанное с миром мертвых, песнопениями и поэзией), «соловьем нашего времени» (наделенный даром слова).

Каждая эпоха и поэт в отдельности расширяли и углубляли смысловые границы данного образа.

В XVIII веке под влиянием процесса секуляризации, когда церковь утрачивает свое духовное значение, эта задача возлагается на поэта.

Архетип поэта, сформированный романтической культурой, актуализирует в мифе тему изгнанничества, тотального одиночества, избранности. Особую нагрузку несет миф о смерти поэта, в контексте русской культуры связанный со смертью Пушкина, ознаменовавшей конец «золотого века» русской поэзии. Под пером Ф.И. Тютчева окончательно оформляется миф о поэте, побеждающем хаос, а в творчестве Н.А. Некрасова ставится проблема «народного поэта», и особенно актуальна тема праведничества.

Русская литература весьма богата образами странников, юродивых, праведников, бродяг, сопричастных мифу о поэте, что расширяет и углубляет его семантику, в особенности, этический компонент, тогда как к началу XX века происходит смещение в сторону эстетического и философского компонентов.

Одной из характерных особенностей художественного мира русских поэтов начала XX века является создание «сверхтипа» (термин В.Е. Хализева), образа героя, в переживаниях которого отразились надэпохальные, универсальные цели человеческого существования -- стремление победить хаос. Таким сверхтипом, безусловно, становится поэт. Возникает вопрос о месте и роли поэта в мире и об отношениях: Поэт -- Бог, Поэт -- Человек, Поэт -- Поэт. В наследство поэту оставлен Хаос. Поэт занимает место Бога-теурга, его миссией становится сотворение нового мира.

В концепции символистов, ориентировавшихся на учение В. Соловьева о Душе Мира, особую актуальность приобретает «миф о пути» поэта (Д.Е. Максимов), ярко воплотившемся в творчестве А. Блока. Для футуристов -- поэт является практическим преобразователем мира «самовитым» словом, для акмеистов -- поэт, кроме прочего, тем же словом осуществляет связь времен и культур.

Особую смысловую нагруженность миф о поэте несет в религиозно-философской концепции культуры Д.Л. Андреева («Роза Мира»). Философ развивает концепцию поэта-вестника, разграничивая при этом вестничество и праведничество.

Художественно воплощая архетипические коннотации мифа о поэте, М. Цветаева создает авторский неомиф, структурными и смысловыми доминантами которого является понимание поэта как человека *промежутка*, до определенной границы сопровождаемого *Вожатым*, а самым предпочтительным способом бытия поэта является *невстреча*.

В центре внимания второй главы – *«Миф о поэте и его варианты значения в художественном мире М. Цветаевой»*, которая разделена на три параграфа, – представлены варианты значения мифа о поэте, находящиеся на одной смысловой оси. В первую очередь исследуется момент *осознания своей личности как личности поэта*, акцентируется внимание на божественном и хтоническом воплощениях поэта: ключевыми здесь являются образы *Вожатого, Всадника, «Я-дерева», русалки, «пишущего» и землепашца*.

В первом параграфе – *«Космогонический миф о рождении и становлении поэта»* – творчество М. Цветаевой рассматривается как единый сюжет о поэте, который включает следующие события: рождение поэта – его становление – смерть поэта, которая является кульминацией, но не финалом сюжета. Далее следует жизнь после смерти, смысл ее – обретение истинной сути. Следует отметить, что каждая сюжетная цепочка обретает статус мифа. Рождение поэта и то, как совершается его становление, уподоблено космогоническому мифу («Мать и Музыка»). Само рождение поэта уже трагично. Оно совершается вопреки, по принципу *«невмещаемости»*. Творческое рождается из трагического. В контексте сказанного особую значимость приобретает эпизод-воспоминание о роковом танце бабушки по линии матери. Вводя в контекст танец бабушки, на фоне музыкальной одаренности матери и собственного поэтического призвания, М. Цветаева подчеркивает исконную, мифологическую, синкретическую связь танца, музыки и слова. В данном случае чрезвычайно актуальна мысль О.В. Калининой о том, что поэт наследует «лирический гений рода».

В понимании процесса становления поэта интересен мотив противопоставления и слияния двух натур – материнской («певучей, лирической, одно-стихийной») и отцовской – филологической. Основной смысл переносится на образ «неслиянной и неслившейся крови». Возможно, в контексте всего творчества М. Цветаевой «неслиянную и неслившуюся кровь» следует понимать как неосуществленную любовь (Ср.: «Поэма Конца»: *«Любовь – это кровь и плоть»*).

Итак, цветаевский миф о рождении и становлении поэта в своей основе содержит следующие компоненты: Музыку, Слово, Танец, Рок, Род, и еще нечто, что сама она назвала *«заданное»* (выражение М. Цветаевой из очерка «Мать и Музыка» очень близкое к понятию «рока, судьбы»). «Заданное» – это то, что заложено в человека свыше и что невозможно изменить никакими силами).

Создавая уникальный миф о поэте, М. Цветаева утверждает личность в ее онтологической ценности, что в свою очередь доказывает

мифологичность сознания М. Цветаевой и ее лирической героини, проявляющееся в неразличении своего «я» с окружающим миром и космосом в целом.

Второй параграф – «*Божественное и хтоническое воплощения поэта*» – разделен на две части. Первая – «*Вожатый и Всадник*» – посвящена центральным вариантным значениям мифа о поэте.

Вожатый в поэтическом сознании М. Цветаевой обобщенно представлен как *растущая, расширяющаяся и углубляющаяся душа*. Уже с самого первого сборника стихов «Вечерний альбом» (1910) до одного из последних стихотворений «Все повторяю первый стих...» (1941) мотив души, находящейся вне тела и зовущей неведомо куда, является одним из ключевых. В стихотворении «Золото моих волос...» (1922) душа названа самым тайным божьим умыслом.

Мотив *сбывшейся души* позволяет говорить о осуществлении человека во всех его внутренних возможностях, таким, как задумал его Бог. Примечательно, что душа названа не «вымыслом», не «творением божьим», а именно умыслом, – заранее обдуманном намерением Бога наделить человека душой и тем самым приблизить к своему образу и подобию. В этой связи мы разделяем точку зрения Г.М. Ибатуллиной, которая предлагает рассматривать человека как «модель» Бога, бесконечно порождающую его в себе. В данном случае полнота божьего замысла – сбывшаяся душа, если актуализировать высказывание М.Л. Гаспарова «о смерти в цветаевском понимании как соединении души с телом», связана с темой смерти. «Душа сбывлась» еще и потому, что поэт сам наделен даром творения. Потому жизнь в привычном для нас смысле для такого человека невозможна, она проявляется в каких-то иных формах и воплощениях. Смерть не является уходом в небытие, а принимается поэтом как возможность творчества. В художественном мире М. Цветаевой душа физически ощутима: «сердечное дно», «уединенное *ундинное* место» («Мать и Музыка»), «грудная ямка» («Мой Пушкин»). И сама героиня цветаевской поэзии становится разрастающейся, расширяющейся и углубляющейся душой. Душа не только воплощение божественного, светлого, но и «темного царства внутри нас».

М. Цветаева часто уподобляет душу камню, и такое уподобление глубоко архаично и мифопоэтично. В древних представлениях известен мотив происхождения человека от камня. Тогда тело приобретает свое изначальное имя: *тело* с готского *stains* – «камень», с греческого *στίς, στίον* – «камешек», с латышского *tels, tele* – «образ, тень, изваяние». Всякий раз подлинное общение у М. Цветаевой совершается в тот момент, когда физическое тело предстает в ином

качестве, например, когда человек становится «сплошной душой», тенью. Возможно, потому так актуальны для творчества М. Цветаевой образы «канатного плясуна» и Эвридики, которых связывает то, что они – тени. Однако недовоплощенность гораздо подлиннее физического существования.

Душа определяет путь человека. Душа есть *Вожатый*. М. Цветаева любила это загадочное слово *вожатый*. В поэме «Перекоп» (1929) она употребляет его древний вариант *Вожата* (вместо *вожатый*), мотивируя такой выбор своим глубинным лингвистическим чутьем.

Образ *Вожатого* в творчестве М. Цветаевой неоднозначен: в его структуре различаются позитивные и негативные стороны, светлые и темные начала. Возможности понимания этого образа самые широкие – от ангела-хранителя до демона-губителя, но добро и зло, синтезирующиеся в данном образе относительно, на что обращает Л.А. Викулина, предлагая рассматривать образ *Крысолова (Вожатого)* в единой функции с крысами по признаку враждебности Гаммельну (бездушному городу). Уводя детей в «детский рай», Крысолов фактически губит их (то есть совершает зло), но с другой стороны, он спасает их души в тот момент, пока еще в них сохраняется способность услышать свой зов. Потому и откликнулись дети на музыку Крысолова.

Фигура *Вожатого* – необходимое условие перехода из мира сего в потусторонний. Но *Вожатый* сопровождает *ведомого* до определенной границы, далее он должен продолжать свой путь в одиночестве. В образе *Вожатого* М. Цветаевой, помимо индивидуальных значений, синтезируются дантовский и пушкинский архетипы. Связь с дантовским архетипом очевидна в повторяющемся мотиве ситуативной смены *Вожатого*, пушкинский архетип *Пугачева-вожатого* актуализируется в свете нравственных испытаний души.

Наиболее ярким художественным воплощением образа *Вожатого* является *Всадник* – «человекоконь». Исследователи объясняют образ *Всадника* как мужское воплощение Музы. Не исключая такого понимания, мы рассматриваем этот образ как вариант мифа о поэте, его хтоническое воплощение. В поэме М. Цветаевой «На Красном коне» *Гений-Всадник* руководит жизнью лирической героини. Лица его не видно, но подчеркивается огненность и красный цвет. Причем, цветовая символика пронизывает каждое сюжетное звено поэмы.

С помощью образов природных стихий в данной поэме показан момент Апокалипсиса, конца старого мира и сотворение нового. Это подтверждается и временем создания поэмы. Написана она в канун Нового года. Мифологема Нового года одна из ключевых в творчестве М. Цве-

таевой. Толковать ее следует как изображение пограничной ситуации, разрушение и пересотворение старого мира. Не случайно возникает образ столбового храма, а его разрушение есть символ падения старого мира. Разрушение храма представлено в поэме как стихийный процесс возвращения к первородному хаосу, как очищение для нового рождения. Разрушено и распято человеческое тело («рухает» храм – «рухает» тело, а тело – храм души). Жизнь лирической героини захвачена *гением*, высшей силой, разрушительной для земной жизни и человеческой души, делающей героиню причастной к стихиям иного мира.

Польского ученый Е. Фарыно образы Конника (Всадника) и Георгия связывает с архисюжетом творчества М. Цветаевой, реализующимся в трансформированном мифе о борьбе бога Перуна со змеем. В славянской мифологии это наиболее архаичный образ (Всадник – святой или былинный герой, поражающий змея – Егорий Победоносец, Михаил Архангел, Илья Пророк, Николай Чудотворец).

Между тем, сюжет о Всаднике в творчестве М. Цветаевой имеет продолжение и развитие. Летом 1921 года ею был написан поэтический цикл «Георгий», где образ Всадника является центральным. Кроме того, в 1923 – 1926 годах начиналась тройственная переписка поэтов Цветаевой – Рильке – Пастернака, которая в цветаяеведении получила название «Дыхание лирики». Весной 1926 года Рильке присылает Цветаевой сборник «Дуинезских элегий» и лирический цикл «Сонеты к Орфею» (1922). Орфей изображен как лирический прообраз всех поэтов. На фоне обращения к древнегреческому мифу затрагиваются проблемы поэтического творчества, назначения поэта и поэзии. Образ Всадника, изображенный в XI сонете Рильке, во многом сходен с цветаяевским.

Во второй части второго параграфа – «*”Древесный код” и “русалочий” миф в структуре мифа о поэте*» – продолжается разговор о хтоническом и божественном воплощениях поэта. В работе рассматривается персонафицированный образ «Я-дерева», а также трансформация «русалочьего» мифа в творчестве М. Цветаевой. Данная проблема не раз становилась предметом специального изучения. В центре нашего внимания – мысль о форме телесности поэта.

Основу «русалочьего» мифа, который традиционно связывается с мифом о собственном имени, в диссертации составляет мысль об утверждении лирической героиней М. Цветаевой своей «нетварности». Говоря о древесном воплощении поэта, мы заостряем внимание не только на деревоподобной сущности поэта, но и на его телесной оболочке. Потому мотив *недовоплощенности и вечно становящегося тела* (которое именно в моменте этого становления есть «сплошная душа») – доминирующий.

Стихотворение «В сновидящий час мой бессонный...» (1921), выбранное автором исследования для наиболее детального анализа, строится по принципу мифологического уподобления частей тела человека дереву. Осуществляется процесс, который можно обозначить как новое «раздавание» имен: «не сердце – сердцевина», «не руки – два взмаха», «не лоб – запрокинутый купол» (заметим, что образ запрокинутого лба, равно как и вариант – опущенный, склонившийся (в процессе письма) лоб – весьма часто встречается в поэзии М. Цветаевой). Возможно, этот образ связан с цветаевским понятием *«большеголовости»*. Телесность поэта дается не как нечто оформившееся, заданное, а выражает *идею роста, направленности ввысь*, если говорить языком А.Ф. Loseva, – *вечного становления*.

Русалка в большей степени является хтоническим воплощением поэта и связана с Произволом (если его понимать по-цветаевски – как «своеволие»), нежели божественным Промыслом (вплоть до того, что лирическая героиня противопоставляет себя не только другим людям и миру, но и подчеркивает свою «нетварность»). В стихотворении «Кто создан из камня, кто создан из глины...» (1920) актуализируются архаические и библейские мотивы сотворения человека. Поэт-русалка создан из другого материала – «бренной морской пены». В стихотворении «Небо – синей знамени...» (июль 1935) подчеркивается «дотварное» происхождение этого «материала». Море возникло еще до времени (метафора мифического «павремени», первотворения), и потому оно сопряжено с вечностью.

Таким образом, в художественном сознании М. Цветаевой поэт отождествляется не только с высшими божественными силами, но и с хтоническим низом, с землей и всеми ее стихиями. Поэт-дерево вбирает корнями всю силу земли (ибо суть его простирается «из недр земных и до неба»), а только затем дает лист (белую бумагу как эквивалент творчества).

Для поэтического сознания М. Цветаевой весьма значимым является запечатление самого процесса создания стихов, осмысление акта творения в его первозданности: когда строки вырвались из самой глубины лирического «я», еще не совсем родились, но уже слышится, говоря словами самого поэта, «невнятица». Об этом третий параграф второй главы – *«"Пишущий" и "пашущий" как члены одной парадигмы»*. Труд пишущего и пытающегося осмыслить акт этого творения уподобляется тяжелому труду пахаря. *Поэт и землепашец* в творчестве М. Цветаевой становятся элементами одной парадигмы. Связь данных образов проявляется через идею стихийности творческого процесса написания стихов, сти-

хию земли и в контексте образа чернильных ручьев (как синтеза земли и воды, а также крови).

Процесс создания стихов представлен двояко: с одной стороны – это *рвение (дерзновение), вспышка, взрыв*, с другой – *тяжелый труд*.

Данная тема особенно актуальна в творчестве М. Цветаевой 1918 года («Благословляю ежедневный труд...», «Простите меня, мои горы!..», «Клонится, клонится лоб тяжелый...», «Есть колосья тучные...», «Я – страница твоему перу...»), а также в 20-е – 30-е годы («Строительница струн...» 1923, цикл «Стол» 1933 – 1935 и др.) и в своей основе восходит к глубинным мифопоэтическим традициям.

Уподобление происходит по нескольким признакам: *поэт – землепашец, перо – плуг, поле – бумага, написание – вспашка земли, чернила – вода / земля и кровь*. Интересно, что в данном случае сравнение и уподобление происходит без присутствия тех элементов, которые сравниваются («минус-прием» Ю.М. Лотмана), а дается через определенные действия, предполагающие, что перед нами *поэт и землепашец*.

С мотивом жизни и смерти связан образ чернил или «чернильных ручьев». В центре нашего внимания два поэтических цикла М. Цветаевой «<Н.Н.В.>» (1920) и «Ручьи» (1920). В первый поэтический цикл тема смерти входит с образом креста. Этот крест поставлен на бумаге вместо подписи, но в контексте цикла он приобретает сакральное значение.

В третьей главе – **«Пространственно-временные координаты бытия поэта в творчестве М. Цветаевой»**, разделенной на три параграфа, исследуются особенности воплощения мифа о поэте в системе пространственно-временных координат.

В первом параграфе – **«Бытие поэта как абсолютное «не» и «между»** – рассматриваются *промежуточные* пространственные категории – пространство «между», «прорезь». Пространство М. Цветаевой стремится стать пространством *«между»* (С.В. Бабушкина) и определяется такими образами, как *невстреча* и *прорезь*. Отдельного внимания заслуживает рассмотрение своеобразной пространственной зоны в творчестве М. Цветаевой – *прорези*. В уходящем за горизонт просторе, в пространстве с онтологическим размахом возникает «певчая», «ледяная прорезь», «расщелина», которые мы истолковываем как чуть видимый, едва заметный проход в «иноебытие». Это позволяет говорить о многоуровневом пространстве в творчестве М. Цветаевой.

Как вариант мифа о поэте в художественном мире М. Цветаевой особое смысловое наполнение приобретает миф о *невстрече* – единственно должной форме существования. Безмерная душа в каждый миг охватывает весь мир, а при встрече «упирается в одного человека».

Предметом исследования во втором параграфе – *«Время как путь»* – становится пространственноподобное «время – песок – путь» в сопоставлении с творчеством О. Мандельштама и, частично, А. Блока.

В мировой культуре и в русской картине мира (что в первую очередь находит отражение в языке) песок в своем значении тесно связан со временем, а также с непрочностью, зыбкостью, краткостью человеческого бытия. О чем-то или о ком-то очень старом говорят «песок сыплется», о событии, которое никогда не произойдет, – «когда песок по камню взойдет», о быстропроходящем – «как песок сквозь пальцы», о ненадежном и хрупком – «строить замки из песка». Кроме прочего, песок и камень в славянской мифологии являются первоэлементами. Обращение к этимологии слова «время» убеждает в глубинной связи времени и пути. Согласно точке зрения А. Мейе, «время часто объясняют как восходящее к *wert-men 'путь, дорога, поворот'».

Попытка осмысления времени как пути в поэтическом мире М. Цветаевой не только в парадигме ее мифотворчества, но и в диалоге с поэтами-современниками позволяет сделать следующие выводы. Поэт согласно Цветаевой, – тот, кто всегда находится в пути. Образ пути, осмысленный через уподобление «время-песок» – это метафора жизни в Вечности, это образ ее освоения, пребывания в ней.

Кроме прочего, образ пути в рамках парадигмы мифа М. Цветаевой о поэте, позволяет говорить о путнике, равно как и о его трансформированном варианте – *пешеходе*, о чем речь идет в третьем параграфе – *«Пешее сердце» поэта: трансформированный образ путника в поэтическом мире М. Цветаевой*.

Однозначно, что слова «путник», «странник», «пешеход» находятся на одной смысловой оси – пеший ход является основным средством передвижения. Слово «пешеход», по сравнению с двумя предыдущими, звучит несколько обыденно. Пешеходом мы называем человека, который *идет пешком* в мире, где существуют иные средства передвижения.

У Цветаевой *пеший ход* понимается как способ приобщения к вечности. В диссертации отмечен момент функциональной трансформации пешехода в повествователя, а этимологический анализ ряда слов способствует более полному пониманию образа *пешехода*.

В поэтическом цикле «Ода пешему ходу» (1931 – 1933) «пеший ход» признается лучшим, естественным, данным от Бога средством передвижения. Эта мысль развивается в нескольких направлениях: во-первых, человек признается «ходячим» чудом природы. «Ходячее» чудо – это наивысшее проявление законов природы. Человек, предпочи-

тающий иные средства передвижения, понимается как искажающий свою суть. Человек «не идущий» уподобляется мертвецу и калеке, лишенному ног, «делающему себе увечье» добровольно. Этот образ получает наглядное воплощение в рекламных вывесках, наблюдаемых пешеходом М. Цветаевой. (Имеется в виду реклама автомобильных шин на дорогах Франции: человек без ног, опоясанный шинами – комментарий А.Саакянц и Л. Мнухина – составителей семитомного собрания сочинений М. Цветаевой).

Во-вторых, особое звучание мотив «пешего хода» получает в библейском контексте. В первую очередь внимание привлекает глагол *бресть*. Выбор глагола *брести* (не *шагать*, не *идти*) едва ли случайный. *Брести* означает «передвигаться пешком, идти с трудом». Выбрав иное средство передвижения и облегчив свою участь, человек нарушает божий наказ, данный ему при изгнании из рая – жить и *трудиться в поте лица*. Образ библейского змея-искусителя актуализирует в сознании читателя ситуацию первородного греха.

Пеший ход представлен в качестве стихийного процесса. Синтезирующим образом природной стихии и поэтической энергии (и даже самого поэта) в художественном мире М. Цветаевой становится *поток*. Движущийся человек уподоблен потоку. *Поток*, жаждущий на своем пути порога (*прага*), то есть того, что может ускорить его течение и затруднить проход судам, развивает тему единства природной стихии и поэтического творчества, ибо поэтическое творчество также неуправляемо и непредсказуемо. *Поток* становится еще одним вариантным значением мифа М. Цветаевой о поэте. Кроме того, мысль о стремительно несущемся *поэте-потоке* развивается в контексте размышлений о судьбе его стихов в будущих поколениях.

В **Заключении** отражены результаты исследования, обобщены итоги работы.

Мифотворчество М. Цветаевой совершенно уникально и неповторимо. Это сотворение нового космоса, где все вещи и явления изображаются такими, какими они «должны быть» в соответствии с идеалом. В этой связи идеальное и трагическое оказываются важнейшими компонентами мифа М. Цветаевой. При этом структурно-смысловая доминанта художественного мира М. Цветаевой – миф о поэте. Выявлено, что важной особенностью космогонического мифа М. Цветаевой о поэте является ориентация на *невмещаемость и заданность* (в значении *предопределенность*). Подчеркивая «*большеголовность*» как основную характеристику цветаевского рода, поэт имеет в виду не антропологическую черту, а духовное качество, сказанное применимо и к «*пешему ходу*» – не только

физическому, но ценностно-ориентированному процессу. В очерке «Живое о живом» М. Цветаева изобретает неологизм «пешеходчество», придавая этому слову духовный статус.

Говоря о многочисленных воплощениях поэта (синтезе хтонического и божественного), мы пришли к выводу о том, что причиной такого двоякого воплощения является «двуединая суть» души лирической героини. Миф М. Цветаевой о поэте исследован нами в системе пространственно-временных координат. Актуальными и значимыми для художественного мира поэта признаются такие пространственные координаты, как *промежуток, между, прорезь, расщелина*.

В **Заключении** также намечены возможные пути дальнейшего исследования проблемы.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях

Публикация в издании, рекомендованном ВАК:

1. Латыпова, И.Ю. Об одном поэтическом уподоблении в лирике М. Цветаевой и О. Мандельштама: время-песок [Текст] / И.Ю. Латыпова // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. Аспирантские тетради: Научный журнал. – № 12 (33). – СПб., 2007. – С. 144 – 148 (0, 3 п.л.).

Монография и учебно-методическая разработка

2. Акбашева, А., Ситдикова, Г., Латыпова, И., Осипова, О. «Есть такие голоса...»: Диалоги Марины Цветаевой [Текст]: монография / А. Акбашева, Г. Ситдикова, И. Латыпова, О. Осипова. – Sterlitaмак: Sterlitaмак. гос. пед. академия, 2007. – 249 с. (И. Латыпова. – С. 36 – 58; 58 – 77; 122 – 135) (3, 4 п.л.).

3. Будаева [Латыпова], И.Ю. Особенности образа лирической героини М. Цветаевой. Своеобразие поэтического языка и стиля: Учебно-методическая разработка [Текст] / И.Ю. Будаева // Теория и методика обучения литературе: современное состояние и проблемы: Учебное пособие для студентов филологических факультетов педвузов. – Sterlitaмак: Sterlitaмак. гос. пед. академия, 2005. – С. 142 – 149 (0,5 п.л.).

Научные статьи

4. Будаева [Латыпова], И.Ю. Поэтика «встречи-невстречи» в лирике М.И. Цветаевой [Текст] / И.Ю. Будаева // Студенческая наука – в действии: Сб. материалов 43-й науч. студ. конф. 14 – 18 апреля 2003 года. – Sterlitaмак: Sterlitaмак. гос. пед. ин-т, 2003. – С. 77 – 79 (0,1 п.л.).

5. Будаева [Латыпова], И.Ю. Поэтика «встречи-невстречи» как художественное воплощение пространственно-временных отношений в лирике М. Цветаевой [Текст] / И.Ю. Будаева // Город, усадьба, дом в литературе: Сб. науч. ст. / Сост. и науч. ред. А. Г. Прокофьева, О.М. Скибина, В.Ю. Прокофьева. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004. – С. 51 – 61 (0, 6 п.л.). В соавторстве с А.С. Акбашевой.

6. Будаева [Латыпова], И.Ю. «Возможные миры»: пространство как текст и текст как пространство в творчестве М. Цветаевой [Текст] / И.Ю. Будаева // Русский язык и русская литература рубежа XX – XXI веков: Специфика функционирования. – Самара: СГПУ, 2005. – С. 286 – 300 (0, 3 п.л.).

7. Будаева [Латыпова], И.Ю. Стихия природы и ее художественное воплощение в творчестве М. Цветаевой [Текст] / И.Ю. Будаева // Культура провинции: Материалы Международной научно-практической конференции. – Курган: КГУ, 2005. – С. 18 – 23 (0, 4 п.л.).

8. Латыпова, И.Ю. Миф о Поэте в цикле М. Цветаевой «Стихи к Блоку» и в эссе «Искусство при свете совести» [Текст] / И.Ю. Латыпова // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сб. научных трудов. – М.: Прометей, 2005. – С. 166 – 170 (0,3 п.л.).

9. Латыпова, И.Ю. Концепт «Молчание» в поэтическом цикле М. Цветаевой «Куст» [Текст] / И.Ю. Латыпова // Антропоцентрическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 14 октября 2005 года. – Sterlitaмак: Sterlitaмак. гос. пед. акад., 2006. – Том 1. – С. 233 – 235 (0, 2 п.л.).

10. Латыпова, И.Ю. Образ дерева в творчестве М.И. Цветаевой [Текст] / И.Ю. Латыпова // Третьи Лазаревские чтения: Традиционная культура сегодня: теория и практика: материалы Всерос. науч. конф. с международ. участием. Челябинск, 21 – 23 февраля 2006 г.: В 3-х ч. / Гл. ред. проф. В.А. Михнюкевич; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2006. – Ч. 2. – С. 107 – 109 (0, 2 п.л.).

11. Латыпова, И.Ю. Образ Всадника в творчестве М. Цветаевой и в «Сонетах к Орфею» Р. М. Рильке [Текст] / И.Ю. Латыпова // Бочкаревские чтения: Материалы XXX Зональной конференции литературоведов Поволжья: В 4-х т. – Самара: Изд-во СГПУ, 2006. – Т.2. – С. 217 – 222 (0, 4 п.л.).

12. Латыпова, И.Ю. Становление поэта: космогонический и биографический миф (на примере творчества М. Цветаевой) [Текст] / И.Ю. Латыпова // Кормановские чтения: Материалы межвуз. конф. (Ижевск, апрель, 2006) / Сост. Н.С. Измestьева, Д.И. Черашня. – Ижевск, 2006. – Вып.6. – С. 360 – 364 (0, 3 п.л.).

13. Латыпова, И.Ю. Мотив смерти в творчестве М. Цветаевой [Текст] / И.Ю. Латыпова // Труды Sterlitaмакского филиала Академии наук Рес-

публики Башкортостан. Серия «Филологические науки». – Вып. 3./ Отв. ред. И.Е. Карпухин. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 74 – 76 (0, 4 п.л.).

14. Латыпова, И.Ю. Трансформация сказочного сюжета в творчестве М. Цветаевой 1916 – 1925 гг. [Текст] / И.Ю. Латыпова // Материалы третьих международных Цветаевских чтений / Под общ. ред. Разживина А.И. – Елабуга: ЕГИУ, 2006. – С.231 – 234 (0, 2 п.л.).

15. Латыпова, И.Ю. Фольклорные мотивы в творчестве М. Цветаевой 1916 – 1925 гг. [Текст] / И.Ю. Латыпова // Дергачевские чтения – 2006: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Материалы Междунар. науч. конф.: В 2-х т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – Т.2. – С. 129 – 133 (0,3 п.л.).

16. Латыпова, И.Ю. Образ вожакого в творчестве М. Цветаевой через призму оппозиции «мир сей – мир тот» [Текст] / И.Ю. Латыпова // Добро и зло в мире Марины Цветаевой: XIV Международная научно-тематическая конференция (Москва, 9 – 12 октября 2006 года): Сб. докл. / Отв. редактор И.Ю. Белякова. – М.: Дом-музей М. Цветаевой, 2007. – С. 179 – 185 (0, 4 п.л.).

17. Латыпова, И.Ю. Миф о поэте в творчестве М. Цветаевой [Текст] / И.Ю. Латыпова // Русское слово в Башкортостане: Материалы региональной научно-теоретической конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – С. 209 – 216 (0, 5 п.л.).

18. Латыпова, И.Ю. «Пешсе сердце поэта»: трансформированный образ путника в поэтическом мире М. Цветаевой (на примере поэтического цикла «Ода пешему ходу») [Текст] / И.Ю. Латыпова // Проблемы диалогизма словесного искусства: Сборник материалов / Отв. ред. И.Е. Карпухин // Всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием 18 – 20 октября 2007 г. – Sterlita-mak: Sterlita-mak. gos. ped. akad., 2007. – С. 167 – 170 (0, 3 п.л.).

19. Латыпова, И.Ю. Об одном поэтическом образе в лирике М. Цветаевой и О. Мандельштама [Текст] / И.Ю. Латыпова // О. Мандельштам и феноменологическая парадигма русского модернизма. Материалы Междунар. научно-тематич. конф. (20 – 22 апреля 2007 г.) – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 193 – 197 (0,3 п.л.).

Латыпова Ирина Юрьевна

**МИФ О ПОЭТЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ
М.И. ЦВЕТАЕВОЙ**

10.01.01 – русская литература

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук**

**Подписано в печать 14.02. 2008 г.
Бумага ксероксная. Печать оперативная. Формат 60х84 ^{1/16}
Усл. печ. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ № 115/07**

Отпечатано в полиграфическом участке Стерлитамакской государственной педагогической академии: 453103, Стерлитамак, пр. Ленина, 49.

10-2